

18+
ВЛАДИМИР ТОРМЫШОВ

Знакомьтесь, просто демиург. Кот Черный

Владимир Тормышов

Знакомьтесь, просто демиург. Кот Черный

<https://litres.ru/74375357>

ISBN 9785007107600

Аннотация

Перед вами Библия для котов. Бог создал Вселенную из праха и пыли под диваном.

Зачем люди? Чтобы открывать консервы и кормить котов. Зачем динозавры? Для масштаба интерьера. Почему Иисус? Потому что фарисеи совсем обнаглели и не давали спать на антресолях.

Узнайте:

Как сорвать Вавилонскую башню одним чихом.

Почему ангелы — это просто коты с крыльями, которые умеют открывать двери.

И главное: как правильно смотреть на человечество, чтобы оно чувствовало себя виноватым без единого слова.

Содержание

Знакомьтесь, просто демиург. Кот Черный	5
Аннотация	5
Первый день творения	13
2 день творения	31
3 день творения: создание рыб	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Знакомьтесь, просто демиург. Кот Черный

Владимир Тормышов

© Владимир Тормышов, 2026

ISBN 978-5-0071-0760-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Знакомьтесь, просто демиург. Кот Черный

Аннотация

Вы думаете, мир создали за семь дней? Ошибаетесь. Его создавали в перерывах между сном и вылизыванием шерсти.

Перед вами не священное писание. Это служебная записка самого ленивого существа во Вселенной — Кота по кличке Черный. Он спит восемнадцать часов в сутки, но при этом умудрился придумать гравитацию (чтобы тапки падали на ногу), интернет (чтобы люди перестали орать ему под ухо) и любовь (просто чтобы посмотреть, как эти голые приматы будут мучиться).

В этой книге вы узнаете:

— Почему Большой Взрыв случился только потому, что Демиургу чихнулось.

— Зачем на самом деле строили Вавилонскую башню (спойлер: там было ветрено, и Кот хотел спрятаться от сквозняка).

— Как Иисус пытался уговорить апостолов открыть ресторанчик с рыбами, а в итоге получил крест из плохой древесины.

— И почему ваш кот дома смотрит на вас так, будто это он платит ипотеку за эту квартиру.

Если вы когда-нибудь чувствовали, что миром управляет не высший разум, а чья-то пушистая, наглая и абсолютно безразличная воля — вам не показалось.

Осторожно: после прочтения книги вы начнете подозревать, что Млечный Путь — это просто след от грязной лапы, а смысл жизни заключается в своевременном открытии банки с кормом.

Перед вами мемуары Кота по кличке Черный. Он создал Вселенную из праха и пыли под диваном.

Зачем люди? Чтобы открывать консервы и кормить котов. Зачем динозавры? Для масштаба интерьера. Почему Иисус? Потому что фарисеи совсем обнаглели и не давали спать на антресолях.

Узнайте:

— Как сорвать Вавилонскую башню одним чихом.

— Почему ангелы — это просто коты с крыльями, которые умеют открывать двери.

— И главное: как правильно смотреть на человечество, чтобы оно чувствовало себя виноватым без единого слова.

Осторожно: книга вызывает острое желание вылизать плечо и презреть работу.

До начала времен не было ничего. Вообще. Такая густая, осязаемая пустота, в которой даже эхо стеснялось подавать-

ся.

В этой пустоте спал демиург Черный. Спал он качественно, с переливчатым храпом, от которого будущие квазары формировались чуть кривыми. Он был Абсолютом, Первопричиной и единственной живой душой на ближайшие пару миллиардов световых лет. И ему было невыносимо скучно.

Скука демиурга — это вам не просто «посмотреть все серии турецкого сериала». Это тяжелая астрофизическая величина.

Когда ты вечен, всемогущ и совершенен, тебе решительно нечем заняться.

Можно создать тапок, но кого им бить?

Можно создать мышь, но она будет просто лежать и смотреть на тебя с осуждением, потому что ей тоже нечего делать.

Черный перевернулся на спину, выпустив когти размером с будущую Транссибирскую магистраль прямо в ткань небытия. Пространство жалобно скрипнуло. Демиург потянулся так, что левое ухо оказалось в созвездии Гончих Псов, которое еще не знало, что оно созвездие.

— Тоска, — прохрипел кот (голосовые связки у него появились раньше легких).

Он попытался поиграть со своим хвостом. Но поскольку тела как такового еще не существовало, а была лишь идея кота, хвост постоянно проходил сквозь идею лапы. Это раздражало сильнее, чем пакет, который шуршит недостаточно громко.

Тогда Черный решил развлечься по-крупному. Он чихнул. Чих первозданного хаоса — событие историческое. Из одной ноздри вылетела Андромеда, из другой — пара комет, которые тут же начали выяснять отношения за парковочное место возле Солнца.

Демиург лениво проследил взглядом за разлетающимися галактиками.

— Слишком масштабно, — фыркнул он. — Убирать потом самому. Да и пахнет паленой шерстью.

Он свернулся клубком вокруг точки сингулярности. Она приятно грела пузо.

Черный закрыл глаза и попробовал уснуть снова. Сон не шел. В абсолютной тишине зудела мысль о том, что неплохо бы завести кого-то глупого. Чтобы можно было смотреть на него сверху вниз тем самым фирменным кошачьим взглядом, от которого сворачивается молоко во всех мирах сразу.

Но творить людей или мышей было лень. Для этого нужно открывать глаза, фокусировать зрачки и вообще проявлять социальную активность. А Черный был интровертом космического масштаба.

Поэтому он начал играть.

Первым делом он создал гравитацию. Просто для того, чтобы всё, что он случайно обронит, падало вниз с грохотом неизбежности.

Затем он сотворил пыль. Идеальную, домашнюю, уютную пыль, которая лежит там, куда не достает ни одна тряпка ми-

роздания. Пыли стало много. Она оседала на несуществующих шкафах.

Черный чихнул второй раз. На этот раз получилось скромнее: всего лишь Большой Взрыв. Свет резанул по глазам. Стало шумно. Где-то очень далеко, за пределами понимания, начало тикать время. Оно звучало как старый советский будильник перед звонком на ненавистную работу.

— Ну вот, — недовольно дернул ухом демиург. — Началось. Теперь придется создавать веник. Или этих... Людей. Пусть пылесосят. Главное, чтобы они догадались сделать валерьянку до шестого дня, иначе я за себя не ручаюсь.

Он подобрал под себя четыре идеи лап, накрыл нос кончиком пушистого млечного пути и сделал вид, что спит.

Хотя краем зеленого глаза уже высматривал идеальное место для первой лужи, которую кто-то обязательно должен будет вытереть.

До того как всё началось, не было даже пыли. Пустота была настолько густой, что в ней вязли мысли. В этой самой пустоте спал демиург Черный.

Спал он качественно, по-кошачьи: с драматическим храпом, от которого будущие галактики формировались слегка асимметричными. Он был Абсолютом, Тьмой и единственным арендатором бесконечности. И ему было невыносимо скучно.

Скука демиурга — это язва. Когда ты всемогущ, тебе решительно нечего хотеть. Можно создать тапок, но кого им

пугать? Можно создать мышь, но она будет просто висеть в вакууме и смотреть на тебя взглядом кассира в конце смены.

Черный перевернулся на спину, выпустив когти размером с будущую Транссибирскую магистраль прямо в ткань небытия. Пространство жалобно скрипнуло.

— Тоска зеленая, — прохрипел кот (голосовые связки у него появились раньше легких).

Это раздражало сильнее, чем пакет, который шуршит недостаточно громко.

Тогда Черный решил развлечься масштабно. Он чихнул. Чих первозданного хаоса — событие историческое. Из одной ноздри вылетела непонятная туманность, из другой — пара звезд, которые тут же начали выяснять отношения за парковочное место возле кота. Демиург лениво проследил взглядом за разлетающимися галактиками.

Вдруг его осенило. Не мыслью — кошки мыслят скачками, — а зудом между лопаток. Ему нужно было занятие. Что-то такое, где правила меняются каждые три секунды, а виноват всегда кто-то другой. И он создал Игры.

Сначала появилась **Охота**. Демиург материализовал лазерную точку. Маленькую красную искорку безумия. Она металась по стенам несуществующих квартир быстрее скорости света. Черный взвился в прыжке, промахнулся, врезался мордой в Нептун и обиделся.

«Великолепно», — подумал он. Обида — отличный фундамент для мироздания.

Затем пришла очередь **Добычи**.

Черный слепил клубок шерсти. Обычный, мохнатый, запутанный намертво. Он толкнул его лапой. Клубок покатился. Законы физики взвыли, пытаясь угнаться за ним.

Клубок закатился под холодильник, которого не было, и исчез. Демиург сел перед пустым местом и посмотрел туда тяжелым взглядом прокурора. Теперь Вселенной нужен был тот, кто полезет этот клубок доставать, застрянет и будет орать дурным голосом.

Но главным шедевром стала игра **«Коробка»**. Черный взял кусок чистого картона четвертого измерения и согнул его.

Получилась коробка. Совершенно пустая. Демиург залез внутрь. Внутри оказалось просторнее, чем снаружи.

Там помещались все двенадцать измерений, миска тунца и забытое детство самого Создателя. — Идеально, — мурлыкнул Черный, сворачиваясь внутри макрокосма картонной тары.

— Сюда никто не догадается заглянуть, когда я буду жевать зарядку от телефона.

Игр становилось всё больше. Они плодились сами, как плесень на забытом твороге:

— *Игра в Горячую Лапу*. Наступить человеку на лицо ровно в 4:13 утра.

— *Игра в Невидимку*. Сидеть вплотную к хозяину, пока он ищет тебя по всей квартире, переворачивая диваны.

— *Игра в Пакет*. Услышать характерное «ш-ш-ш» и потерять рассудок, волю и позвоночник одновременно.

Черный лежал посреди новорожденной Вселенной, окруженный правилами без логики.

Ему больше не было скучно. Впереди маячила сложная задача — придумать людей. Просто потому, что самим правилам играть было неинтересно.

Им нужны были те, кто будет их нарушать, ронять на пол дорогую посуду и искренне верить, что если они не видят кота под одеялом, то и кот не видит их ногу, торчащую наружу.

Дemiург подобрал под себя четыре идеи лап, накрыл нос кончиком пушистого Млечного Пути и сделал вид, что спит.

Хотя краем зеленого глаза уже высматривал идеальное место для первой лужи, которую кто-то обязательно должен будет вытереть мокрой тряпкой. А это, знаете ли, тоже очень увлекательная игра.

Первый день творения

В начале не было ничего, кроме пыли под диваном и абсолютной, звенящей тишины. В этой пустоте сидел Кот Черный. У него еще не было имени, усов и привычки будить людей в четыре утра ударом лапы по лицу. Он был просто Идеей Кота, сжатой до состояния сингулярности.

Скучно ему было невыносимо. Лежать вечно на спине, перебирая лапами воображаемую добычу — развлечение для первых пяти минут вечности. И тогда Кот Черный чихнул. Не от аллергии, а от глобального зуда.

Взрыв получился отменный. Вся строительная пыль разом взлетела вверх, образовав Млечный Путь. Галактики разлетались красиво, как тополиный пух от брошенного тапка. Кот дернул ухом, оценил масштаб катастрофы и решил, что это годный интерьер. Но чего-то не хватало.

— Свет! — подумал Кот Черный, потому что во тьме плохо видно кончик собственного хвоста.

Он щелкнул пастью. Щелбан вышел такой силы, что вспыхнуло Солнце.

Планеты тут же начали носиться вокруг него по идеальным орбитам, словно привязанные за ниточку к лазерной указке. Порядок навели быстро. Оставалась мелочь — обжить хотя бы один шарик. Выбор пал на третий, он стоял удачно, прямо под батареей (роль которой временно испол-

няло молодое Солнце).

Кот спрыгнул с облака космической пыли на твердь земную. Земля была мягкой, теплой и пахла озоном. Идеально.

Первым делом нужно было создать того, кто будет открывать дверь. Кот задумался. Слон слишком велик, его шерсть забьет слив в ванной. Хомяк глуповат, будет тырить гречку из мироздания. Обезьяна? Нет, она начнет эволюционировать, требовать ипотеку и писать жалобы в небесную канцелярию.

— Пусть будут эти... вертикальные, — решил Кот. — Чтобы удобно было об них тереться спиной. И чтобы имели ровно две руки: одной чесать за ухом, второй — подавать еду.

Так появился Человек. Первые экземпляры получились бракованными. Один все время падал, другой пытался поймать собственный пупок, третья группа вообще ушла купаться в океане и забыла вернуться. Кот фыркнул, стряхивая брызги эволюции с усов, и внес правки в чертежи. Добавил лень, любовь к теплу и безусловный рефлекс бежать на любой шуршащий пакет.

С людьми дело пошло веселее. Они сразу догадались строить коробки-дома, класть туда мягкие тряпочки и гудеть феном.

Но работа творца тяжела. К обеду Кот Черный так утомился зажигать звезды и объяснять дельфинам правила пользования эхолокацией, что прилег вздремнуть на только

что созданном Кавказском хребте.

И началось самое страшное. Без присмотра люди стали проявлять инициативу.

Они изобрели колесо. Кот проснулся от грохота, высунул морду из-за Эльбруса и увидел телегу.

— Зачем?! — взвыл он. — Я же дал вам гравитацию! Хочешь вниз — падай! Хочешь вверх — карабкайся! Какая телега?!

Люди сделали вид, что не слышат, и приделали к телеге мотор. Небо заволокло сизым дымом.

Затем они придумали деньги. Это окончательно вывело демиурга из себя. Кот создал золото, нефть и алмазы просто потому, что они красиво блестят в лотке-мироздании.

А люди нарезали бумагу, называли ее «рубель» и принялись орать друг на друга в судах.

Чтобы спасти остатки прекрасного, Кот применил тяжелую артиллерию.

Он создал Соседа с Перфоратором. Ровно в семь утра в субботу.

Услышав первый «БДЫЩ», человечество мгновенно вспомнило о высших силах.

Самые сообразительные поняли намек правильно. Они бросили заводы, закрыли биржи и пошли покупать корм. Людишки построили огромные храмы с мягкими коврами на подоконниках, поставили там миски с водой и зажгли благовония, которые воняли точь-в-точь как валерьянка. Они на-

звали этот культ «уют».

К полудню первого дня Вселенная работала сама. Сатурн крутил свои кольца, котята рождались пушистыми, а человек разумный осознал главное правило бытия: если коробка стоит открытой — ты обязан в нее залезть. Физический закон, статья первая.

Кот Черный потянулся, выгнув спину дугой через половину экватора, сбив тем самым расписание приливов.

Зевнул, обнажив два ряда идеальных инструментов для перекусывания кармических связей. Спрыгнул обратно на мягкий ковер Земли, свернулся клубком на свежесозданном человеке, закрыл нос лапой и уснул.

Вечером пришел белый кролик, посмотрел на спящего демиурга, на дымящие трубы заводов, на Соседа с Перфоратором, тяжело вздохнул и начал переписывать инструкцию к миру. Там, где у Кота было написано «плодитесь и размножайтесь», кролик приписал мелким шрифтом: «но сначала оплатите счета за ЖКХ».

А Кот спал. Ему снилось, что он маленький, лежит на коленях у самого себя и мурчит, регулируя этим гул вращающихся галактик. Первый день подходил к концу. Впереди была ночь, а значит — полная вседозволенность для тараканов и философов.

До начала времен не было даже пыли. Пустота была настолько густой, что в ней вязли мысли и портилось настроение. В этой самой пустоте спал демиург Черный.

Спал он качественно, по-кошачьи: с драматическим храпом на вдохе и философским посапыванием на выдохе. От этого храпа будущие квазары формировались слегка асимметричными, а темная материя приобретает легкий оттенок тоски. Он был Абсолютом, Тьмой и единственным арендатором бесконечности. И ему было невыносимо скучно.

Скука демиурга — это тяжелая астрофизическая величина. Когда ты всемогущ, тебе решительно нечего хотеть. Можно создать тапок, но кого им пугать? Себя самого? Глупо. Можно создать мышь, но она будет просто висеть в вакууме и смотреть на тебя взглядом кассира в конце смены, требуя премию за вредность бытия.

Черный перевернулся на спину, выпустив когти размером с будущую Транссибирскую магистраль прямо в ткань небытия. Пространство жалобно скрипнуло.

— Тоска зеленая, — прохрипел кот.

Это раздражало сильнее, чем пакет, который шуршит недостаточно громко для раннего утра.

Вдруг его осенило. Не мыслью — кошки мыслят скачками, — а зудом между лопаток.

Ему нужно было развлечение. Что-то такое, где правила меняются каждые три секунды, а виноват всегда кто-то другой. И он решил создать Искусство. Начал с малого — со стихов.

Идея была гениальной в своей простоте. Зачем самому ловить мышей, если можно лежать на печи, жмуриться, а во-

круг будут бегать существа и биться головой о плинтус в поисках рифмы к слову «солнце»?

Демииург щелкнул метафизическими пальцами. Звук получился похожим на лопнувшую струну балалайки. Из пустоты вывалилась первая Муза.

Она была похожа на комок свалывшейся шерсти с глазами-блюдцами и пахла валерьянкой третьего дня творения (которой еще не было, но идея уже витала).

— Ты кто? — спросил Черный, приоткрыв один глаз цвета сверхновой.

— Я — Страдание Творца, — пропищала Муза. — Меня прислали помочь вам написать эпос.

— Себе помогай, — фыркнул демиург. — Лети вон туда. Видишь там внизу голое место? Придумаешь мне хвалебную оду. Размер — хокку. Ритм — марш обреченных. Суть: я прекрасен, тапки мои быстры, а мыши должны платить алименты.

Муза икнула и принялась за работу. Первые стихи вышли корявыми.

Демииург прочитал их внутренним взором:

«Пустота летит.

Кот лежит и хочет есть.

Где моя еда?»

— Нет, — поморщился Черный. — Слишком жизненно. Никому не понравится читать про чужой голод. Добавь пафоса. Пусть думают, что я страдаю от высокого давления от-

ветственности.

Муза зачирикала невидимым пером. Вторая версия получилась лучше:

«На троне из тьмы

Дремлет пушистый тиран.

Бойтесь его ус!»

Это было ближе к истине. Тирану понравилось. Но чего-то не хватало. Массовости. Поэзия должна быть вирусной. И тогда Черный создал Поэтов.

Он слепил их из глины шестого дня, добавил щепотку магии величия, каплю неразделенной любви к соседке и функцию абсолютной нищеты. Чтобы вдохновляло.

Первого поэта звали Орфей.

Он посмотрел на пустоту и заплакал. Его слезы стали ямбом.

Второго звали Данте. Тот сразу начал жаловаться на тещу, называя её Люцифером.

Третьего создали просто ради красивой фамилии — Пушкин. Ему дали бакенбарды еще до появления ножниц, чтобы мучился.

Люди открыли рты, и оттуда полились строки.

Они писали о глазах Черного («два омута, где тонет млечный путь»), о его лапах («тяжкая длань карающего божества») и о его сне («когда он спит, вселенная замирает в ужасе»).

Они придумали размер, рифму и аллитерацию только ра-

ди того, чтобы описать, как красиво переливается шерсть демиурга в свете первобытной лампы.

Черный лежал на облаке, которое сам себе подстелил, и слушал.

Где-то внизу хор голосов выводил кантату во славу левого уса Создателя.

— Хорошо, — промурлыкал он, засыпая. — Теперь пусть напишут поэму о том, как трудно открывать консервы мокрыми лапами. А я пока подремлю. Кажется, завтра нужно будет придумать критиков.

До начала времен не было даже пыли. Пустота была настолько густой, что в ней вязли мысли и портилось настроение. В этой самой пустоте спал демиург Черный.

Спал он качественно, по-кошачьи: с драматическим храпом на вдохе и философским посапыванием на выдохе. От этого храпа будущие квазары формировались слегка асимметричными, а темная материя приобретает легкий оттенок тоски. Он был Абсолютом, Тьмой и единственным арендатором бесконечности. И ему было невыносимо скучно.

Черный перевернулся на спину, выпустив когти размером с будущую Транссибирскую магистраль прямо в ткань небытия. Пространство жалобно скрипнуло.

— Тоска, блин, зеленая, — прохрипел кот.

Ему нужно было развлечение. Что-то такое, где правила меняются каждые три секунды, а виноват всегда кто-то другой. И он решил создать Музыку. Начал с Песен.

Идея была гениальной в своей простоте. Зачем самому ловить мышей, если можно лежать на печи, жмуриться, а вокруг будут бегать существа и рвать глотки, пытаясь взять верхнее «до» во славу твоего левого уса?

Демиург щелкнул метафизическими пальцами. Звук получился похожим на лопнувшую струну балалайки. Из пустоты вывалилась Муза.

Она была похожа на комок свалывшейся шерсти с глазами-блюдцами и пахла валерьянкой третьего дня творения (которой еще не было, но идея уже витала).

— Ты кто? — спросил Черный, приоткрыв один глаз цвета сверхновой.

— Я — Страдание Творца, — пропищала Муза. — Меня прислали настроить вам лиру.

— Лира сама себя не настроит, — фыркнул демиург. — Лети вон туда. Видишь там внизу голое место? Придумаешь мне гимн.

Муза икнула и принялась за работу. Первые песни вышли корявыми. Демиург прочитал их внутренним слухом:

*«Пустота летит,
Кот лежит и хочет есть,
Ми-ми-ми...»*

— Нет, — поморщился Черный. — Слишком жизненно. Никому не понравится слушать про чужой голод. Добавь пафоса. Пусть думают, что я страдаю от высокого давления ответственности. И добавь бубнов. Люди любят, когда трясут

головой.

Муза зачирикала невидимым камертоном. Вторая версия получилась лучше.

Она называлась «Ода пушистой длани». Хор из ста ангелов затянул её в ля-миноре. Звучало торжественно, но чего-то не хватало. Массовости. Песня должна быть вирусной, чтобы ее орали под окнами после третьей кружки амброзии.

И тогда Черный создал Музыкантов. Он слепил их из глины шестого дня, добавил щепотку мании величия, каплю неразделенной любви к соседке-фавнке и функцию абсолютного отсутствия слуха.

Чтобы искусство давалось через боль. Первого музыканта звали Костя. Он посмотрел на пустоту и заплакал. Его слезы стали минорной балладой.

Второго звали Бах. Тот сразу начал играть фуги на органе, собранном из труб Иерихона, пока стены мироздания не пошли трещинами. Третьего создали просто ради красивой фамилии — Моцарт. Ему дали парик, который чесался, чтобы страдал правильно.

Люди открыли рты, и оттуда полились звуки. Они придумали октавы, сольфеджио и терцию только ради того, чтобы описать, как красиво переливается шерсть демиурга в свете первобытной лампы. Появились арфы (для грустных песен), волынки (для очень грустных) и барабаны (для тех, кому медведь наступил на ухо, но хотелось славы).

Они пели о глазах Черного («два прожектора, испепеля-

ющих грешников»), о его лапах («тяжкая длань карающего божества») и о его сне («когда он спит, вселенная замирает в ужасе»). Особенно удалась рок-опера «Левая задняя лапа», которая шла в главном храме вечности сорок лет без антракта.

Черный лежал на облаке, которое сам себе подстелил, и слушал. Где-то внизу сводный хор галактик выводил кантату во славу чистоты его лотка.

— Хорошо, — промурлыкал он, засыпая. — Теперь пусть напишут оперу о том, как трудно открывать консервы мокрыми лапами. А я пока подремлю. Кажется, завтра нужно будет придумать критиков и соседей снизу. Чтобы жизнь медом не казалась.

На первый день творения демиург Черный понял, что совершил тактическую ошибку.

Ошибка называлась «Понедельник». Он создал его просто ради того, чтобы у людей был повод жаловаться, но люди оказались настолько неблагодарными, что начали страдать уже в воскресенье вечером. Это портило статистику.

Черный лежал на облаке, которое по совместительству было недоделанным матрасом из Икеи, и зевал. Пасть была размером с Красное море. От этого цунами смыли пару прибрежных деревень, которые он даже не успел подписать именами.

— Тоска, — прохрипел кот. Голосовые связки появились раньше легких, поэтому звук напоминал скрежет пенопласта

по стеклу вечности.

До этого он пробовал играть. Создал мышь. Мышь получилась слишком умной: она сразу потребовала профсоюз, восьмичасовой рабочий день и компенсацию за моральный вред от кота. Создал тапок. Тапок получился идеальным снарядом, но кидать его было не в кого, кроме самого себя. А самосаботаж — это путь к депрессии.

— Надо населять, — решил Черный, вылизывая плечо. Вылизывание настраивало его на высокие материи лучше валерьянки. — Но эти двуногие... Они же голые. Им холодно, стыдно и постоянно хочется есть. С ними столько возни. Нужно место, где они будут сидеть тихо, пока я сплю.

Так появилась идея Рая.

Демиург не стал размениваться на пышные сады с яблоками. Яблоки — это лишний стул в желудке и повод для скандала со змеями (змею он создал только ради того, чтобы однажды найти её в резиновых сапогах).

Черный взял самую мягкую часть туманности Ориона. Выбросил оттуда все колючие квазары. Добавил подогретого ламината, который лежит прямо под солнечным лучом.

Присыпал сверху пылью из-под дивана первого дня творения — она дает правильный, антистатический эффект при трении о голую кожу. Оградил периметр невидимой стеной, через которую могли проходить только те, кто искренне верит, что пакет шуршит сам по себе.

Назвал это место Эдем. Хотя про себя называл «Верхняя

Антресоль».

Первой на проверку нагрянула делегация Адама. Адам вышел из ребра Евы совершенно растерянным, пахнущим хлоркой и новосельем. Он оглядел бескрайние поля мягкой травы.

— Господи! — воскликнул он. — Здесь нет Wi-Fi!

— Зато здесь нет ипотеки, — отрезал Черный, открывая один глаз цвета сверхновой. — Цени.

Затем вышла Ева. Она уже успела сплести венок из несуществующих еще ромашек и выглядела как бухгалтер, нашедший ошибку в годовом отчете Бога. — А почему тут всего одно дерево? — спросила она, тыкая пальцем в Древо Познания Добра и Зла. — И оно какое-то... стрёмное. Листья пыльные. У вас сертификаты на флору есть?

— Это когтеточка, — соврал Черный. — Очень дорогая, ручная работа. Не трогай, лак слезет.

Люди были идеальными. Почти. В них был один изъян: они всё время пытались работать. Адам посмотрел на пальму и сказал:

— Надо бы окучить.

Черный чуть не подавился собственным хвостом.

— Стоять! — рявкнул он так, что Большой Взрыв икнул. — Какое «окучить»? Ты в Раю! Назначение ваше — лежать. На травке. В тенечке. Можете чесать друг другу спины. Максимум активности — бросать палку собаке. Кстати, собаку я создам позже исключительно ради того, чтобы вам было с

кем сравнивать свою интеллектуальную недостаточность.

Для пущей убедительности Демиург создал Фонтан Молодости. Вода в нем была ключом, пахла озоном и имела легкий привкус куриной печени.

— Пейте, — милостиво разрешил Кот. — Только быстро, мне лоток мыть надо. Адам зачерпнул ладонями воду.

— Станный вкус, — сморщился он. — Похоже на растворимый кофе три в одном.

— Это амброзия, — нахмурился Черный. — Просто печень была третьего сорта. Не нравится — вон там пещера, иди охотиться на мамонта. Мамонт нервный, топчет на смерть с одного удара. Выбирай.

Адам выбрал пещеру. Но пошел туда медленно, оглядываясь. Ему явно хотелось обратно к фонтану.

Черный удовлетворенно потянулся. Творение обретало законченный вид. Теперь у человека был смысл жизни: пытаться выйти из Рая, чтобы потом всю жизнь мечтать вернуться обратно. Идеальная рекурсия.

Он свернулся клубком вокруг экватора, накрыл нос кончиком пушистого млечного пути и уснул.

Ему снилось девятое марта. День, когда люди наконец изобретут самоочищающийся лоток и автоматическую руку, которая чешет за ухом двадцать четыре часа в сутки. До этого момента оставалось еще шесть тысяч лет человеческой истории. Или одна полноценная кошачья дрема.

На первый день творения, ближе к вечеру, демиург Чер-

ный понял, что совершил тактическую ошибку.

Ошибка называлась «Люди». Он создал их из праха, пыли под диваном и своей утренней отрыжки просто потому, что тапок первого дня не умел открывать консервы. Люди же умели всё: они открывали двери, банки и чакры, но делали это с таким лицом, будто им кто-то должен.

Черный лежал на облаке, которое по совместительству было недоделанным матрасом из Икеи, и зевал.

От этого цунами смыли пару прибрежных деревень, которые он даже не успел подписать именами.

До этого он пробовал играть. Создал мышь. Мышь получилась слишком наглой: она сразу потребовала политическое убежище в банке из-под шпрот. Создал тапок. Тапок получился идеальным снарядом, но кидать его было не в кого, кроме голых людей. А грехопадение на второй день — это плохой тон, соседи (которых еще нет) осудят.

Адам и Ева бродили по Раю (Верхней Антресоли), мерзли без одежды и ныли.

— Господи, а почему земля круглая? — канючил Адам.
— Я палец занозил о пальму. Хочу компенсацию!

— И листья у Древа Познания пыльные! — вторила Ева.
— У вас сертификаты на флору есть? Мы будем жаловаться в Небесную Жилищную Инспекцию!

Черный смотрел на них своим фирменным взглядом серийного убийцы, которому наступили на хвост.

— Значит так, кожаные, — прохрипел он, выпуская ког-

ти прямо в ковер мироздания. — Вы достали. Ваша главная задача — размножаться и молчать. Но раз вы такие инициативные... Вам нужен проект. Цель. Стресс-менеджмент.

Он решил создать Ад.

Не тот унылый сад с кипящей смолой, где скучно даже чертям, а Настоящий Человеческий Ад. Место, куда люди будут стремиться попасть при жизни.

Демиург взял самую горячую часть ядра Земли. Добавил туда линолеум советского образца (он всегда ледяной зимой и плавится летом). Присыпал сверху пылью из-под дивана, которая обладает свойством вызывать приступы аллергии именно во время уборки.

Оградил периметр забором из сетки-рабицы, покрашенной краской, которая никогда не сохнет. Назвал это место Офис. Хотя про себя называл «Нижняя Кладовка».

Первым делом он посадил там Древо Испытательного Срока. На нем росли галстуки, отчеты в Excel и грамоты «Лучший сотрудник месяца». Плоды были горькими, как правда о зарплате. Затем Демиург создал Начальника. Он слепил его из глины, оставшейся от Адама, добавил щепотку мании величия и функцию абсолютной глухоты к слову «больничный».

Начальник вышел идеальным. Первым делом он потребовал отчет о проделанной работе за квартал до Сотворения мира.

Для пущего реализма Кот создал Кондиционер. Кондици-

онер дул ровно в одну точку — на макушку спящего человека. Если человек пытался закрыть его картонкой, срабатывала пожарная сигнализация. Звук сигнализации был идентичен крику тещи пятого дня творения.

Черный спустился вниз, чтобы провести инструктаж.

— Вот, — обвел он лапой помещение. — Это ваш новый дом. Называется Трудовая Дисциплина.

— А змея тут будет? — спросила Ева, ища глазами повод для очередного искового заявления.

— Змея — это наш менеджер, — отрезал Черный. — Она здесь затем, чтобы объяснять вам, почему премия накрылась медным тазом.

Главным аттракционом Ада стал Лифт. Он работал только тогда, когда человеку нужно срочно в туалет. В остальное время он стоял между этажами с открытыми дверями, играя музыку, состоящую исключительно из звуков капающей воды и чужого кашля.

— Правила простые, — мурлыкнул Демиург, наблюдая, как Адам пытается включить компьютер, который работает на энергии отчаяния. — Утром подъем. Вечером отбой. Выходной один, называется Суббота, но в него тоже надо работать, просто бесплатно. Кто будет филонить — заставлю посмотреть фото чужих детей в телефоне.

— А еда? — спросил Адам, почесывая отсутствие шерсти на животе.

— Еды нет, — сладко улыбнулся Черный. — Есть биз-

нес-ланч. Это три листика салата и кусок резины, пахнувший курицей. За свои деньги. Зато кофе бесплатный. Правда, растворимый. Из автомата. Который постоянно пишет «Внесите мелочь».

Люди переглянулись. В их глазах впервые промелькнуло то самое чувство, ради которого стоило затевать эту стройку века. Чувство глубокой, искренней *задолженности*.

— Господи, — прошептал Адам. — За что нам это?

— За то, что яблока пожалели, — фыркнул Кот. — Теперь пашите. И дверь плотнее закрывайте, когда уходите, а то сквозит. У меня от вашего топота антресоль трясется.

Черный вернулся на облака. Творение обретало законченный вид. Теперь у человечества был смысл жизни: дожить до пятницы. Идеальная мотивация.

Он свернулся клубком вокруг экватора, накрыл нос кончиком пушистого млечного пути и уснул.

2 день творения

На второй день демиург Черный проснулся от того, что ему на нос капнуло.

Вселенная пахла озоном, вчерашним борщом и легким чувством вины за созданного вчера человека. Адам внизу бродил по Эдемскому саду (Верхней Антресоли), мерз в чем мать родила и пытался развести костер трением двух сырых идей о смысле жизни.

— Безобразие, — подумал Черный, вылизывая плечо. Вылизывание настраивало его на высокие материи лучше валерьяны пятого дня. — Ходит голый, сквозняки мои собирает. Простудится же, а мне потом лечить. И вообще, над ним пусто. Это плохой фен-шуй.

Он почесал за ухом задней лапой, вызывая локальное землетрясение на месте будущей Японии. Решено: будет Небо. Или Твердь, как написано в черновиках мироздания.

Сначала он хотел просто плюнуть вверх. Демиург набрал побольше космической пыли в легкие (которых не было, но концепция дыхания ему нравилась) и харкнул. Получилось кучевое облако с запахом позавчереашнего молока. Скучно. Облако висело, оскорбляло эстетическое чувство и пыталось пролиться кислотным дождем прямо на тапок создателя.

Тогда Черный взял самую сухую мысль из своего правого полушария. Добавил туда синевы из глаз Евы (она опять по-

теряла скидочную карту в Раю), каплю бензина для хищного блеска высоты и бросил этот комок вверх.

Пространство сопротивлялось. Оно было мягким, как старый диван, и не хотело делиться на верх и низ. Пришлось применить физическую силу. Кот уперся всеми четырьмя лапами в землю, зацепился зубами за горизонт и дернул.

Раздался звук рвущегося брезента. Пространство треснуло. Сверху образовался потолок. Твердый, гулкий, окрашенный в цвет «евроремонт». Черный назвал его Небом. Снизу осталась Земля. Назначение Неба было простым: чтобы птицам было куда гадить, не попадая при этом на свежевывмтый пол творения.

Черный лег на спину и посмотрел на результат.

— Ну вот, — удовлетворенно мурлыкнул он. — Теперь есть где вешать люстру.

Внезапно пошел дождь. Не романтический грибной, а тот самый, который начинается ровно тогда, когда ты выходишь покурить без зонта. Вода была тяжелой, мокрой и имела вкус старых труб. Оказалось, что во время рывка потолка повредилась гидроизоляция верхних слоев эфира.

— Недоработка, — фыркнул кот, стряхивая влагу с ушей. — Придется создавать сантехников. Но это завтра. Сегодня я занят — я создаю видимость порядка.

Твердь получилась отличная. Она давила на людей своей ответственностью. Адам сразу перестал ныть про ипотеку (которой еще не было) и начал смотреть вверх с выраже-

нием глубокого гастрита. Ему казалось, что потолок сейчас рухнет. Это добавляло моменту нужной остроты.

Для баланса Черный создал Звезды. Просто потому, что гладкий синий потолок напоминал казенное учреждение. Он взял горсть песка первого дня, макнул его в жидкий азот вечности и швырнул в небо жменей. Песок рассыпался, прилип к тверд намертво и теперь светился по ночам, заставляя поэтов сходить с ума, а собак — выть на луну, которой тоже пока не существовало, но идея уже зудела.

Демиург зевнул во всю свою черную зубастую пасть, чуть не проглотив карликовую планету Плутон. Потянулся, выпустив когти размером с горный хребет Анд. От этого движения Млечный Путь приобрел форму идеального кошачьего лотка.

Он свернулся клубком вокруг экватора, накрыл нос кончиком пушистого млечного пути и уснул. Ему снился третий день. Самый утомительный. Придется лепить воду. Просто потому, что кто-то должен регулярно мочить этих двуногих, когда они слишком сильно верят в собственную значимость.

В начале была только пыль, скука и демиург по кличке Черный.

В первый день творения он создал тапок. Идеальный снаряд для запуска в пустоту. Тапок получился сорок пятого размера, с загнутым внутрь задником, пахнущий новой резиной и вселенским одиночеством.

Черный подбросил его лапой. Тапок пролетел сквозь ту-

манность Андромеды, сбил пару протозвезд и плюхнулся обратно в лапы создателя. Скучно.

Черный почесал за ухом задней лапой. Ухо было бархатное, а коготь — идеальный инструмент для мироздания. Он провел им по пространству, оставляя царапину на реальности. В эту царапину немедленно засосало три галактики и одного заблудившегося ангела из будущей бухгалтерии.

— Надо населять, — подумал Черный, вылизывая плечо. Вылизывание всегда помогало ему сосредоточиться на высоком.

На второй день он решил создать мышей. Не от большой любви к грызунам, а сугубо из эстетических соображений. Пустота без мыши — это просто плохая акустика. Мышь же дает смысл дивану, плинтусу и любому уважающему себя носку.

Сначала он слепил прототип из нейтрино и вчерашнего борща. Получилось что-то среднее между комком шерсти под кроватью и ужасом. Существо пищало фальцетом и пыталось пройти сквозь стену.

— Нет, — фыркнул Черный. — Это не мышь. Это арт-объект для выставки современного искусства. И шерсть сваляется после первой же линьки вселенной.

Демиург стер неудачную версию движением брови (сотворение мира очень сушит носоглотку) и начал заново.

Он взял самую наглую частицу темной материи, добавил щепотку запаха жареных семечек, капнул валерьянки для

блеска в глазах и обвалял всё это в тополином пухе.

Первая настоящая мышь получилась серой, юркой и имела вид человека, который точно знает, где лежат ваши пенсионные накопления, но никому не скажет. Она тут же попыталась заложить фундамент ипотечной пирамиды прямо у подножия трона создателя.

— Стоять, — лениво сказал Черный, придавливая эксперимент кончиком хвоста. — Ты слишком умная. Люди вас потом возненавидят, будут травить ультразвуком и называть паразитами. А мне нужен баланс. Чтобы был повод строить погрёба и заводить таких красивых, как я.

Черный уменьшил мыши IQ до уровня дверного косяка, зато увеличил коэффициент живучести до бесконечности. Теперь она могла пережить ядерную зиму, питаясь исключительно дзен-буддизмом и крошками за холодильником.

Для размножения он создал вторую мышь. Розовую. С бантом, которого нет. Просто потому что Вселенная должна содержать элементы бесполезной красоты.

Розовая посмотрела на серого. Серый посмотрел на сыр, которого еще не существовало, но идея уже витала в эфире.

— Чего делать-то? — спросил серый.

— Беги, — ответила розовая. — От этого зависит вся драматургия следующих десяти тысяч лет.

И они побежали.

Черный смотрел на этот хаос, прищулив один глаз. Из-под его левой передней лапы торчали недоделанные горы Кавка-

за. Правой он машинально поглаживал пространство, создавая Атлантический океан. Но основное внимание было там, в углу мастерской. Две точки абсолютного безумия носились по свежесобранному паркету мироздания.

Мыши мгновенно поняли правила игры. Они научились просачиваться сквозь решетки, которых еще не отлили, воровать свет звезд, если тот плохо лежал, и складывать запасы ровно за пять минут до того, как Черный решит затеять Великий потоп.

Они стали идеальным тренажером для человеческой паранойи. Без них люди бы так и не изобрели капканы, ипотеку и чувство легкой тревоги по утрам.

Черный зевнул во всю свою черную зубастую пасть, чуть не проглотив карликовую планету Плутон. Потянулся, выпустив когти размером с горный хребет, и сладко уснул прямо посреди третьего дня, когда нужно было создавать воду.

Вода получилась соленой, слегка хлорированной и пахла старыми трубами — ровно такой, какой ей положено быть в панельных девятиэтажках спальных районов.

Снилось ему идеальное утро. Солнце бьет в левый глаз. На кухне шуршит пакет. И кто-то бесконечно, самозабвенно, с грохотом роняет на кафель гречку...

На второй день творения демиург Черный проснулся от того, что у него затек хвост.

Вселенная пахла озоном, вчерашним борщом и легкой неудовлетворенностью. В углу шуршали мыши — те самые,

розовая с несуществующим бантом и серый ипохондрик. Они уже успели основать религию, в которой Черному поклонялись как злому тапку, написать священное писание на обрывке пространственно-временного континуума и даже провести первый собор по вопросу: «Грешно ли спать головой в лотке?».

Черный потянулся, выпустив когти размером с горный хребет, и посмотрел на свое творение критическим взглядом.

— Ну и что это такое? — фыркнул он, брезгливо дернув вибриссой. Мышь испуганно пискнула и попыталась пройти сквозь стену. Стена устояла, мышь — нет.

— Мелочь, — вынес вердикт демиург. — Суета сует. Смотреть не на что, жрать мало. Если я буду питаться такими темпами, у меня к вечеру обострение гастрита начнется. Нет масштаба. Где драма? Где трагедия?

Он почесал за ухом задней лапой, вызывая локальное землетрясение на месте будущей Японии. Решено: нужны крысы.

Если мыши были созданы из праха, тоски и тяги к халве, то крыса должна была стать произведением инженерной мысли.

Демиург взял самую наглую частицу темной материи, добавил туда арматуру для прочности скелета, капнул машинного масла (для хищного блеска глаз) и обвалил всё это в ржавчине со дна будущего Тихого океана.

Первая настоящая крыса получилась серой, квадратной и имела вид человека, который точно знает, где лежат ваши пенсионные накопления, но никому не скажет просто потому, что ему лень открывать рот.

Она тут же попыталась заложить фундамент ипотечной пирамиды прямо у подножия трона создателя и перегрызла ножку мироздания.

— Стоять, — лениво сказал Черный, придавливая эксперимент кончиком хвоста. Крыса посмотрела на него снизу вверх взглядом прораба, которому не подписали акт выполненных работ. — Ты слишком умная. Мыши вон эволюционируют в бухгалтеров, а ты куда метишь? В правительство? Будь проще. Назначение твое — грызть. Всё. Вообще всё. Шумоизоляцию, совесть, бюджет страны. И чтобы зубы росли быстрее, чем инфляция.

Для размножения он создал вторую крысу. Альбиноса.

Белую, красноглазую, похожую на бухгалтера после сдачи годового отчета.

— Вы будете жить там, где мышидохнут от депрессии, — инструктировал их Черный. — Подвалы, коллекторы, трюмы кораблей. Там, где сыро, темно и пахнет предательством.

— А еда? — прохрипела белая крыса голосом уставшей школьной учительницы.

— Еда — это вы друг другу, — ласково мурлыкнул демиург. — Или люди. Люди вообще универсальная еда, они сами себя прекрасно портят. Главное правило выживания: ес-

ли шуршит — ешь, если блестит — тащи в гнездо, если кушается — ори громче.

Крысы мгновенно поняли правила игры. Они оказались гораздо более эффективными менеджерами хаоса, чем их мелкие предшественники. Пока мыши занимались мелким воровством крошек и написанием жалоб в небесную канцелярию, крысы сразу перешли к рейдерским захватам территорий.

Черный смотрел на этот макабрический балет и чувствовал глубокое удовлетворение. Баланс был достигнут. Мыши стали идеальным тренажером для человеческой паранойи и поводом заводить бесполезных пушистых котов. А крысы... Крысы стали метафорой государства.

Огромные, зубастые, живучие, знающие все входы и выходы из канализации реальности. Без них люди бы так и не изобрели цемент высокого качества, санэпидемстанции и чувство липкого ужаса при виде тени в мусоропроводе.

— Вот теперь прилично, — кивнул Черный, наблюдая, как альбинос методично точит зуб о край гравитационной аномалии. — Теперь у человечества будет смысл жизни. Они будут пытаться вас извести дустом, а вы будете смотреть на них глазами мудрецов, которые знают дату конца света, но забыли её записать на бумажке.

Демиург зевнул во всю свою черную зубастую пасть, чуть не проглотив карликовую планету Плутон. Потянулся еще раз и сладко уснул прямо посреди третьего дня, когда нужно

было создавать воду. Вода получилась соленой, слегка хлорированной и пахла старыми трубами — ровно такой, какой ей положено быть в подвалах панельных девятиэтажек спальных районов.

3 день творения: создание рыб

На третий день демиург Черный проснулся от того, что у него затек хвост.

Вселенная пахла озоном, вчерашним дождем со второго дня и легким перегаром первобытного человека.

Адам внизу бродил с глубокого похмелья (где только нашел бухло?) по Эдемскому саду (Верхней Антресоли), уже успел где-то простудиться на сквозняке безволосости и теперь чихал так, что с Тверди сыпались недозвезды.

— Безобразие, теперь ему еще надо похмелиться! — подумал Черный, вылизывая плечо.

Вылизывание настраивало его на высокие материи лучше валерьяны пятого дня.

— Ходит голый и бухой по грязи. Простудится же окончательно, а мне потом вводить систему здравоохранения. И вообще, смотреть не на что. Голая земля — это плохой интерьер.

Он почесал за ухом задней лапой, вызывая локальное землетрясение на месте будущей Калифорнии. Решено: будет Суша.

Сначала он хотел просто стряхнуть пыль с облаков вниз. Но пыль была мокрая после вчерашнего потопа и превратилась в грязь.

Грязь получилась отличная, липкая, но для ландшафтно-

го дизайна класса «люкс» этого было мало.

Демиург взял самую твердую мысль из своего левого полушария. Добавил туда гравия со строек будущего, каплю нефти (для хищного блеска асфальта) и бросил этот комок в мировой океан. Вода обиделась.

Она пыталась поглотить сушу обратно, шипела, пенилась и устраивала цунами. Пришлось применить физическую силу. Кот уперся всеми четырьмя лапами в пустоту, зацепился зубами за горизонт и дернул воду на себя. Раздался звук вытягиваемой носом жидкости. Океаны отступили, обнажив дно. Черный назвал это «Континенты». Назначение суши было простым: чтобы было куда поставить тапки и где закопать... простите, посадить дерево.

Затем настала очередь Растений. Демиургу нужно было чем-то занять руки людей, пока они не изобрели смартфоны.

Он слепил Траву. Просто скатал остатки глины со стола, добавил немного хлорофилла и функцию абсолютной сырости по утрам.

Трава получилась мягкой, зеленой и совершенно бесполезной. На ней нельзя было спать — сыро. Её нельзя было есть — невкусно. Идеальный газон.

— Ты будешь называться Газоном, — вынес вердикт демиург. — Назначение твое — расти ровно до пятницы, а в субботу покрываться желтыми пятнами от мочи собак шестого дня творения.

Но главным шедевром стали Деревья.

Черный устал лепить мелочь. Он зачерпнул горсть магмы из центра Земли, плюнул на неё для прочности и вытянул вверх.

Получился ствол. К стволу он прилепил ветки. А на ветки — Листья. Листья получились шумными. Осенью они имели дурную привычку падать прямо на свежевывитый порог мироздания. Для баланса Черный создал Хвойные деревья.

— Вы будете стоять вечно, — распорядился он. — И осыпаться иголками круглый год, чтобы люди покупали пылесосы. Экономика должна работать.

Адам высунул голову из-за папоротника (папоротник был создан исключительно ради динозавров четвертого дня, которые еще опаздывали).

— Господи! — воскликнул он. — Это можно есть?

— Нет, — отрезал Черный. — Это Яблоня. Она здесь стоит исключительно как вещдок. Видишь плод? Не трогай. Там внутри косточка, она застрянет в зубах, ты начнешь орать, я проснусь злой. Оно тебе надо?

— А зачем оно тогда? — пискнула Ева, пытаясь измерить обхват ствола руками.

— Для антуража, — фыркнул кот. — Чтобы птицам третьего дня было куда садиться и гадить вам на головы симметрично. Искусство требует жертв. В данном случае — ваших мытых голов.

Люди смотрели на деревья, потом друг на друга. В их глазах впервые промелькнуло понимание дзен-буддизма. Они

поняли, что могут просто сесть в тень и ничего не делать. Это было почти так же хорошо, как спать.

Демиург зевнул во всю свою черную зубастую пасть, чуть не проглотив карликовую планету Плутон. Потянулся, выпустив когти размером с горный хребет Анд. От этого движения Гималаи приобрели форму идеального кошачьего лотка.

Он свернулся клубком вокруг экватора, накрыл нос кончиком пушистого млечного пути и уснул. Ему снился четвертый день. Самый утомительный. Придется лепить солнце. Просто потому, что кто-то должен регулярно выжигать эту траву, когда она слишком сильно зазнается.

На третий день, вечером, демиург Черный проснулся от того, что у него пересохло в горле.

Вселенная пахла озоном, наглостью крыс со второго дня и слегка — подгоревшим валерьяновым перегаром девятого дня творения (который еще не наступил по календарю, но уже случился из-за пространственных парадоксов). Во рту было сухо, как в бюджете начинающего стартапера.

— Без воды какая-то неполноценная вечность получается, — прохрипел кот, пытаясь лизнуть нос. Язык прошел сквозь морду, потому что твердые тела демиург вчера отменил ради экономии глины.

— Надо налить.

Черный почесал за ухом задней лапой, вызывая локальное падение индекса Доу-Джонса, которого еще не существовало, но идея которого уже зудела где-то в районе будущего

Уолл-стрит. Решено: будет океан.

Сначала он хотел просто плюнуть. Демиург набрал больше космической пыли в легкие (которых тоже не было, но концепция дыхания ему нравилась) и харкнул. Получилась небольшая туманность с запахом вчерашнего борща. Скучно. Туманность висела в пустоте и оскорбляла эстетическое чувство.

Тогда Черный решил действовать масштабно. Он взял самую мокрую мысль из своего левого полушария. Добавил туда соль из слез Евы (она опять потеряла скидочную карту в Эдеме), каплю бензина для хищного блеска волн и бросил этот комок в первичный бульон.

Бульон обиженно забулькал. Из него полезло нечто среднее между дверной ручкой и тоской по родине. Это была Вода версии 1.0. Она текла медленно, вязко и всё время жаловалась на остеохондроз.

— Протокол номер один, — вздохнул Черный, доставая неудачный прототип когтем. — Ты будешь называться Болото. Назначение твое — вонять, засасывать философов и рожать комаров размером с собаку. Плавай пока тут, не отсвечивай.

Для массовки требовалось что-то попроще.

Что-то, что создаст шумовой фон и позволит топить ненужные тапки.

Черный слепил Лужу.

Просто скатал остатки глины со стола, добавил немного

дорожной грязи четвертого дня и функцию абсолютной покорности. Лужа получилась квадратной, задумчивой и сразу поняла всё про смысл жизни. Она лежала и отражала грязь небесную.

Но настоящий шедевр родился случайно. Демиург чихнул. Аллергия на тополиный пух первого дня дала о себе знать. Микроскопический сгусток сопли вылетел из носа создателя, пролетел сквозь стаю недоумевающих ангелов и упал прямо на сушу.

Так появился Океан.

Он был соленым, тяжелым и холодным. В нем немедленно завелись водоросли, которые тут же начали требовать повышения зарплаты, и планктон, который пытался создать профсоюз.

Черный посмотрел на это безобразие и понял, что чего-то не хватает. Пресной воды. Чтобы люди могли варить пельмени, а кошки — смотреть на струю из крана с выражением глубокого недоверия ко всему сущему.

Демиург щелкнул пальцами.

С неба рухнуло облако. Оно плакало.

Не романтично, с грозой и молниями, а буднично, как бухгалтер перед проверкой.

— Вы будете Моросью, — распорядился Черный. — Ваша задача — идти ровно тогда, когда человек забыл зонт. И чтобы лужи после вас были именно той глубины, которая промачивает левый ботинок до состояния «выжимай».

Океан внизу обиделся на такое пренебрежение к иерархии и устроил первый в истории Тайфун.

Волны поднялись на дыбы, грозя смыть недостроенную Вавилонскую башню вместе с Котом-Без-Имени, сидевшим на её вершине.

— Охолони, — рявкнул Черный, шлепнув океан хвостом. От удара во все стороны полетели цунами, Куршская коса и пара неопознанных летающих голландцев. Вода притихла. Но обиду затаила. Именно поэтому она до сих пор такая мокрая и вредная.

Черный удовлетворенно потянулся. Творение обретало законченный вид.

Теперь у всего была цель. Люди будут строить корабли, чтобы тонуть красиво. Будут ловить рыбу, чтобы кормить ею кота. Будут придумывать водку, чтобы разбавлять эту невыносимую легкость бытия.

Он свернулся клубком вокруг оси вращения Земли. Завтра четвертый день. Самый утомительный. Придется лепить птиц. Просто потому, что кто-то должен регулярно гадить на свежeweымытую палубу мироздания. Иначе зачем вообще было затевать эту стройку века?

На третий день, ночью, после обеда мышами и трудов праведных, демиург Черный проснулся от того, что у него затек хвост.

Вселенная пахла вчерашним борщом и озоновой пустотой. В углу шебуршали мыши второй ревизии — те самые,

розовая с несуществующим бантом и серый ипохондрик.

Они уже успели основать религию, в которой Черному поклонялись как злему тапку, и написать священное писание на обрывке пространственно-временного континуума. Писание гласило: «В начале был Плинтус».

— Безобразие, — подумал Черный, вылизывая плечо. Шерсть встала дыбом во всех параллельных измерениях.

— Суша есть. Тапок для метания есть. Этим сухопутным крысам нужен стресс. И повод тонуть.

Он почесал за ухом задней лапой, вызывая локальное землетрясение на месте будущей Японии. Решено: будут рыбы.

Сначала он хотел просто плюнуть в воду. Вода получилась вчера сама собой, когда Черный спросонья махнул хвостом, опрокинув небесную лейку. Но слюна демиурга — это слишком прямолинейно. Получатся какие-нибудь унылые караси, которые умеют только открывать рот и голосовать за любую прикормку. Нет полета. Нет трагедии.

Черный взял самую мокрую мысль из своего левого полушария. Добавил туда чешую старой селедки, которую забыл доесть еще до начала времен, капнул бензина (для хищного блеска глаз) и бросил этот комок в первичный бульон.

Бульон обиженно забулькал. Из него полезло нечто среднее между дверной ручкой и тоской по родине. У существа были грустные глаза спаниеля и плавники, годные разве что на подметание дна.

— Протокол номер один, — вздохнул Черный, доставая

неудачника когтем. — Ты будешь называться Осетр. Назначение твое — висеть на гербах городов, которых нет, и стоять как чугунный мост. Плавай пока тут, не отсвечивай.

Осетр тяжело вздохнул всем своим хрящевым скелетом и ушел на глубину думать о бренности бытия.

Для массовки требовалось что-то попроще.

Что-то, что создает шумовой фон и заполнит желудки будущим котам.

Черный слепил треску. Просто скатал остатки глины со стола, добавил немного морской капусты и функцию абсолютной покорности. Треска получилась квадратной, задумчивой и сразу поняла всё про смысл жизни. Она открыла рот и так осталась навсегда, став идеальным фоном для картошки.

Но настоящий шедевр родился случайно. Демиург чихнул. Аллергия на тополиный пух первого дня дала о себе знать. Микроскопический сгусток сопли вылетел из носа создателя, пролетел сквозь стаю недоумевающих дельфинов и упал в коралловые рифы.

Так появилась Золотая Рыбка.

Она была абсолютно бесполезна с точки зрения пищевой цепочки. Чешуя ее отражала ультрафиолет таким образом, что любой человек, посмотревший на нее, немедленно терял волю и желание работать.

— Так-так, — прищурился Черный. — А ты умная. Хочешь быть щукой?

— Хочу, чтобы дед отпустил меня в синее море, — пропихнула рыбка голосом уставшей бухгалтерши.

— Зачем тебе море? Там мокро, — удивился демиург. — Ладно, дарю тебе функционал. Будешь исполнять три желания. Но алгоритм такой: одно желание нормальное, второе — с подвохом, а третье обязательно сломает человеку жизнь. Баланс должен быть соблюден. И квартиру в Мытищах никому не загадывать, она у меня в единственном экземпляре, фундамент еще сохнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.